

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА: ДАННЫЕ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Гомеровский эпос, как полагали древние, обладал исключительностью вымысла (*mũdos*), согласно которому изображение в поэмах Гомера следовало одновременно истине факта бытия или факта общественного сознания (*ĩstorĩa*) и собственно поэтическому вымыслу, фантазии поэта (*plĩsĩma*)¹. Присутствие *ĩstorĩa* в вымысле Гомера и — шире — в архаическом мифо-эпическом предании — вот то, на что опирается научный поиск нижеследующей статьи.

Этнографический словарь Стефана Византийского (VI в. н. э.) помещает по соседству с колхами, исторически реальной народностью Кавказа, племена, само наименование которых привычно ведет к мифу (s. v.): «Длинноголовые» (*μακροκέφλοι*). Подле колхов, как и полупсы (*ἡμίψυες*), обитают длинноголовые и пигмеи.

Сведения Стефана Византийского, автора позднего, основаны на прочной античной традиции: племена полупсов, длинноголовых и пигмеев в едином смысловом ряду упоминал, по свидетельству Страбона (I, 2, 35, р. 43), уже Гесиод.

В античной историко-географической традиции каждое из перечисленных племен мыслилось фантастически реальным; иначе говоря, в их существовании можно было сомневаться, но оно имело под собой определенную географическую и временную локализацию. Однако то, что Стефан Византийский поместил всех их рядом с колхами, еще ни о чем не говорит. Античная традиция считала родиной колхов Египет (Str. I, 3, 20, р. 61; XI, 9, 16, р. 498; ср. Hdt. II, 104—105), и пигмеи, жившие неподалеку от них, могли оказаться не кавказскими, а африканскими пигмеями. Поэтому для доказательства того, что в данном случае античная традиция подразумевала именно кавказских пигмеев, важно иное — место обитания длинноголовых и полупсов.

Сведения о длинноголовых находим у Гарпократиона (II—IV вв. н. э.; s. v.): «Длинноголовые. Антифонт в (сочинении) „Про единомыслие“: есть племя, так именуемое, о котором упоминает и Гесиод в третьей книге „Каталога женщин“». Палефат в шестой книге „О событиях в Трое“ (говорит), что в Ливии выше колхов обитают длинноголовые»².

Традиция подтверждает относительную реальность племени и его географическую «прикрепленность» к месту обитания: рядом с колхами — при уточнении «выше» (*ὑπεράνω*) колхов». Вводящее в сомнение упоминание Африканского материка — «в Ливии», по разъяснению Карла Мюллера, образцового издателя фрагментов греческих историков³, означает не что иное, как «в области ливистинов» — народности, живущей рядом с колхами. О ливистинах (*λιβυστῖνοι*) говорит Стефан Византийский со ссылкой на свой письменный источник (s. v.): «Ливистины. Племя, расположенное рядом с колхами, как (говорит) Диофант в „Делах государственных“. Соответственно к названию сочинения Диофанта Карл Мюллер предлагает немаловажную для нас и принятую наукой конъектуру: не в «Делах государственных» («Политиках», *ἐν Πολιτικοῖς*), но в «Делах Понтийских» («Понтиках», *ἐν Ποντικοῖς*)⁴.

Так, в античной историографии длинноголовые оказываются «верхними», т. е. северными соседями кавказских колхов.

Что же касается полупсов, то о них читаем у Стефана Византийского следующее (s. v.): «Полупсы. Племя неподалеку от массагетов и гипербореев. Симмий в „Аполлоне“: И увидел я знаменитое племя людей-полупсов, у коих поверх крепких плеч выросла песья голова с наисильнейшими челюстями. У

них, как и у псов, лай, и вовсе не знают они славной именем своим речи иных смертных. Также (упоминает о них) Гесиод»⁵.

Обращает на себя внимание традиционно эпическая характеристика племени, имеющая лексико-семантические соответствия у Гомера и говорящая об эпически уважительном к ним отношении. Прилагательное-определение в выражении Симмия «знаменитое племя» или, иначе, «выдающееся племя» (γένος περίωσιον) дважды в качестве наречия «весьма, чрезвычайно, слишком» употреблено у Гомера (Ил. IV, 359; Од. XVI, 203). Эпитет плеч у полупсов — «крепкие плечи» (τῶν ὤμων ἐυστεφῶν) — и встречается в «Иллиаде» (XIX, 99; XXI, 551) и в «Одиссее» (II, 120; VIII, 267, 288; XVIII, 193). Наконец, определение челюстей — «с очень сильными челюстями» (γαμφλησί περικράτεσσιν) — подано как типично гомеровский эпитет с гиперболической приставкой περί и общим апофеозом силы κρατος. Для сравнения вспомним серию гомеровских эпитетов, таких, как «очень славный» περικλυτός (Ил. XI, 104; Од. I, 325; VIII, 83, 367, 521 и др.), «очень красивый» περικαλλής (Ил. IV, 486; VIII, 249 и др.) и т. д.

Иначе говоря, в оценочной иконографии племени и, видимо, в его географической локализации Симмий как традиционный поэт-эпик, совмещающий «приятное» и «полезное», вымысел и знание факта, следует сложившимся историко-географическим и мифологическим представлениям.

Локализация же в пределах античной ойкумены массагетов и гипербореев при всей сложности этого вопроса ведет, однако, к востоку (массагеты) и северу (гипербореи) от Меотиды и, следовательно, предгорий Кавказа⁶.

Приведенные сведения находят подтверждение в других данных, если признать, что полупсы, «знаменитое племя сильных людей с собачьей головой на плечах», и песьеглавцы в античных источниках — это обозначение одного и того же племенного множества, встречающееся у разных авторов и в разные эпохи.

О полупсах говорит Гесиод; о песьеглавцах (κυνοκέφαλοι) — столетие спустя Эсхил. И те и другие как два разных племени приведены Страбонам в качестве примера пустой выдумки, «небывальщины» (Str. VII, 3, 6, p. 299): «Для Гомера это не удивительно; ведь и те, кто помоложе его, много не знают и рассказывают небывальщину. Так, Гесиод говорит о полупсах и длинноголовых и пигмеях. Алкман — о перепончатоногих, Эсхил — о песьеглавцах, о людях с глазами на груди, об одноглазых и множестве иных».

Важно, однако, что для самого Эсхила (и это признает Страбон!) рассказ о песьеглавцах — повествование об истинно существовавшем, «история» (Αἰσχύλῳ ἱστορῶντος), равно как для Гомера упоминание о пигмеях — выдумка на основе реально бывшего (Ὀμήρῳ . . . μυθεύοντος; Str. I, 2, 35, p. 43): «Гесиода, однако, никто не может упрекнуть в незнании, когда он говорит о полупсах и длинноголовых и пигмеях, ни самого Гомера, вымышляющего (на реальной основе) таковое, среди коего и сами эти пигмеи, ни Алкмана, повествующего как истину о перепончатоногих, ни Эсхила — о песьеглавцах, об имеющих глаза на груди и одноглазых».

Иконографию песьеглавцев, сходную внешне с обликом полупсов Симмия, дает историк и географ Агатархид (II в. до н. э.): «Песьеглавец. Тело человека, потерявшего свой образ, приставлено к лику собаки. Испускает звук, подобный стону» (V, 74)⁷.

Вместе с тем у Авла Геллия с неопределенной ссылкой на авторитеты древнегреческих историков VI—IV вв. до н. э. (Аристея Проконнесского, Исихона Никейского, Ктесия, Онесикрита, Полистефана и Гигесия) упоминаются то ли песьеглавцы, то ли полупсы, но «люди с собачьими головами и лающие, те, что кормятся охотой на птиц и диких животных», обитают в горах Индии, где пополняют собой «и другие чудеса на крайних землях Востока» (Noct. Att. IX, 4).

Меотийско-прикаспийско-аральские степи и крайние земли Востока (к последним относятся и горы Индии) — местности, отнюдь не противолежащие, если смотреть на них с юго-запада, с кавказского побережья Понта Евксинского.

В тюрко-монгольском фольклоре мифические племена песьеглавец приурочены пусть к более отдаленным, но тем не менее лежащим на северо-восток от Черного моря (Понта Евксинского) местностям Западной Сибири в районе приаральских степей, иначе говоря, — к местам расселения массагетов.

«К западу от Орусен-хана (русского царя) живет Кунер-хан; за ним улус Шибит; за Шибитом хребет, а за хребтом нохой-эрте (или нохой-эртен, нохой-эрдени), люди с собачьими головами; такой вид имеют только мужчины, женщины же имеют настоящий вид и красивы», — приводит сведения своих монгольских информаторов, русский путешественник прошлого столетия Г. Н. Потанин⁸.

Сходные сведения о местопребывании песьеглавец и скотоводческом характере племени получаем из алтайской сказки, записанной в начале нашего века Н. Я. Никифоровым⁹. В ней киргизский Полифем, Одноглаз-людоед, живущий в пещере в пустыне (читай: степи) и пасущий баранов, охотится на обитающих рядом скотоводов-песьеглавец и пожирает их.

Традиционная со времен античности версия о совместном территориальном проживании племен малорослых людей (пигмеев) и собакоподобных людей на северо-востоке от Понта Евксинского сохранилась вплоть до VI в. В сирийских источниках версия представлена «Историей» Захария Ритора (VI в.), по сведениям которого, за Каспийскими воротами, «с той стороны» (Северный Кавказ, — *И. Ш.*), рядом с болгарами и аланами обитают карлики и собакоподобные люди¹⁰.

Оставляя на совести античных сочинителей «этнографическую» экзотику всех трех перечисленных племен, можно, однако, сделать вывод о возможной исторической основе предания, иначе — о возможном реальном существовании таких племен, в том числе племени, известном под именем пигмеев на Кавказе рядом с колхами и «выше» колхов. В самом деле, свидетельства античной историографии и среднеазиатского фольклора могли быть поставлены под вопрос, признаны лишь поэтической выдумкой, если бы за последние десятилетия археология не установила реальности существования племен полумифических длинноголовых. Ими среди прочих народностей Кавказа и прикавказских регионов оказались сарматы, люди с искусственной деформацией черепа, обитавшие там, где и следовало, по античной традиции, обитать длинноголовым, — «выше» колхов и рядом с полупсами, т. е. близ Понта Евксинского и к северо-востоку от него¹¹. При этом не исключается возможность, что обычай деформации черепа заимствован сарматскими племенами от своих региональных предшественников.

Что же касается интерпретации палеоэтнографических данных Стефана Византийского о полупсах и пигмеях, то на трудном пути исторической идентификации следует обратиться к материалам изобразительного искусства. Заметим попутно, что во всех упомянутых выше случаях речь идет о племенных наименованиях, лишь с определенной долей вероятности отражающих реальный облик племени.

Подтверждение исторической реальности племени полупсов можно, думается, видеть в изображении сакральной сцены на серебряном кубке из клада, найденного в с. Казбеги, где люди в ритуальных песьих масках («с песьими головами») и привязанными песьими хвостами (песьеглавцы, полупсы) движутся к восседающему на троне жрецу (правителю?). Кубок обнаружен на месте древнего капища, датируется VI—V вв. до н. э. и по манере изображения близок к иранскому искусству эпохи Ахеменидов¹².

Изображения таких же людей «с песьими головами», но без хвостов обнаружены недавно на золотой гривне сарматки в богатом курганном захоронении (I в. н. э.) под Ростовом-на-Дону (Предкавказье). Гривна, насколько можно

судить по несовершенному журнальному воспроизведению¹³, состоит из нескольких пластин, на каждой из которых повторяется сцена борьбы оседланного дракона с двумя нападающими на него с обеих сторон песьеглавами.

Песьеглавы, сильные и крепкие люди, одеты в короткие перепоясанные панцири с пластинами на бедрах и короткими рукавами. На шее — нечто, напоминающее косынку треугольником вниз, плотно и высоко прикрывающее шею. У одного из воинов правая рука с палицей поднята в замахе, левой он хватает дракона за холку. Воин стоит на правом колене; левое, согнутое под прямым углом, кусает дракон.

Обилие в захоронении культовых предметов, в том числе золотого изображения древа жизни, ритуального сосуда в виде головы барана, золотых бляшек в виде оленей и птиц, позволяет археологам, раскрывшим погребения, говорить о его принадлежности жрице. Последнее в свою очередь подтверждает правомерность углубленного символично-сакрального осмысления сцен, воспроизведенных на гривне, имеющих, видимо, изначальную связь с определенным географическим регионом и, возможно, отнюдь не сарматским этническим контингентом.

Что же касается упоминаний о пигмеях на Кавказе в античной историографии, то в один ряд с ними выстраиваются археологические находки памятников материальной культуры с иконографически близким изображением малорослых людей, сделанные на Тамани, в Горгии (район Анапы) и Вани (Грузия). Здесь же уместно напомнить, что интерес к тому или иному изобразительному сюжету, а также характер распространения античных мифо-эпических сюжетов в любом регионе не случаен, но обоснован запросами общественного сознания в его историко-культурном, сакральном, художественном и — реже — политическом аспектах¹⁴.

Напомним также, что, согласно античной мифо-эпической и историко-литературной традиции, племена малорослых людей с условным названием пигмеев (от *λύγνη* — кулак) обитают по соседству с Мировым океаном и его заливами на крайнем севере (легендарная Фула: возможно, Шетландские острова), в Средиземноморье (Обезьяны острова близ Кампании на юге Италии, Малая Скифия во Фракии, Иония и Кария в Малой Азии), а также у истоков Нила в Африке, у истоков Ганга в Индии.

Повсюду, согласно традиции, пигмеи ведут борьбу с журавлями, в которых, как позволяют заключить параллели из мирового фольклора и античных литературных источников, можно видеть выходцев потустороннего мира, посланцев смерти, пришедших за живыми и нападающих на них¹⁵.

Каждая из упомянутых археологических находок имеет отношение к погребальному обряду, заупокойному культу. Паспортизация позволяет проследить их связь с некрополем. Изображение на них символично, что, однако, не мешает — явление, чисто античное — восприятию этих символов в контексте реальной жизни.

Таков прежде всего рисунок, украшающий стенки костяной пиксиды — послевоенное поступление из некрополя Таманского полуострова¹⁶. На каждой из сторон и на крышке пиксиды — изображение, заключенное в рамку и выполненное в технике гравировки. На крышке в верхней части прямоугольной рамки — решетчатая арка (значение ее остается не вполне ясным; может быть, храм?). В проеме арки — женская фигура у расположенного прямо перед ней алтаря с трапециевидной верхней и нижней частью, выступающей над низким прямоугольником тулова (рис. 1, а). Корпус фигуры подан в развороте на три четверти влево, ноги — в профиль вправо, левая слегка выдвинута вперед в шаг. В правой руке женщина держит фиалу, левая согнута в локте и сжимает обращенный вверх неопределенный предмет, напоминающий бутон лотоса.

Фигура одета в столу и задрапирована плащом, конец которого обвит вокруг левой руки на сгибе и свешивается вниз. На голове женщины переданный тремя округлыми линиями головной убор (стефана?), из-под которого выбива-

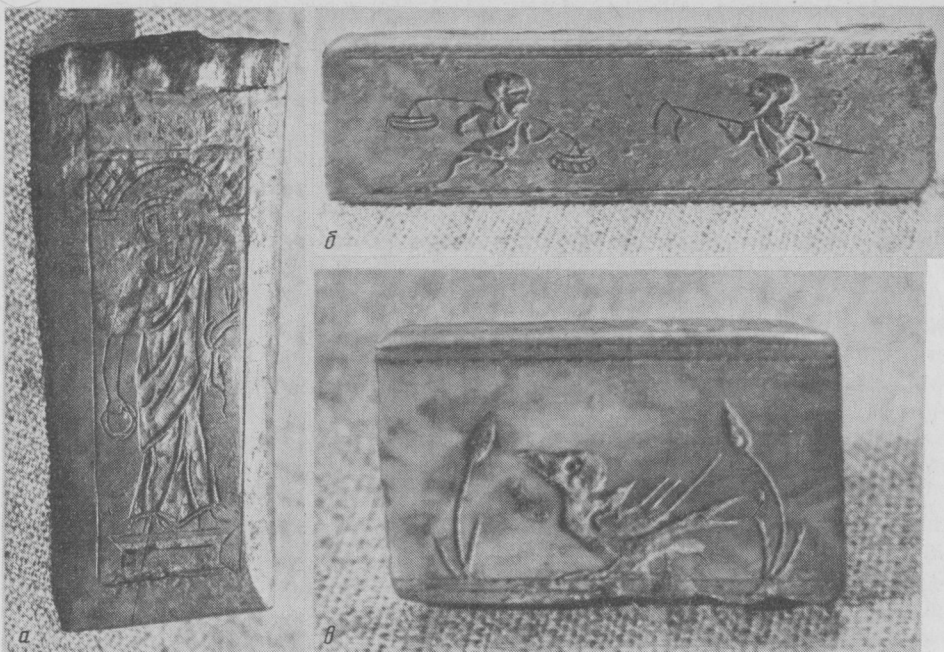

Рис. 1. *а* — костяная пиксида. I в. до н. э. — I в. н. э. Крышка; *б* — боковая сторона; *в* — торцовая сторона. Краснодарский историко-археологический музей-заповедник. Инвентарный № КМб 84.

ются пряди распущенных волос, достающие до плеч. Округлое лицо с правильными чертами и прямой линией носа повернуто к правому плечу. Выражение лица сосредоточенное и скорбное.

Алтарь, фиала в руке и стефана на голове у женщины в длинном одеянии позволяют видеть в ней участницу культового таинства. Эту мысль подтверждают также изображения на боковых и торцовых стенках пиксиды.

На боковых стенках пиксиды два пигмей-брахикефала лицом друг к другу представлены в сцене рыбной ловли (рис. 1, *б*). Короткие хитоны, скрепленные на левом плече, едва прикрывают тщедушные тела с непропорционально слабыми и короткими верхними и нижними конечностями. У пигмеев огромные головы с густой шапкой коротких волос, большие выпуклые лбы, развитые надбровные дуги, приподнятые носы, маленькие бородки, выставленные вперед животы.

Фигуры расположены в обратной симметрии: левая — в обороте на три четверти передней частью тела, правая — задней. В руках у левой фигуры двузубые вилы; на левом плече у правой фигуры шест с двумя плоскими корзинами по концам. Поза пигмея с вилами гротескно воспроизводит позу нападающего в сюжетной композиции античной вазовой росписи «два пигмея и журавль в центре».

На торцовой части слева направо — птица между двух цветов лотоса, образующих рамку (рис. 1, *в*). Следует заметить, что видимый светский, пейзажный характер изображения на стенках пиксиды не исключает культовой символики, связи изображаемого со знаками, символами потустороннего мира. Такими знаками служит лотос, символ забвения, влага, водоем (граница двух миров), а также водоплавающая птица, но прежде всего и особенно — сами пигмеи.

Аналогией к их иконографии, равно как и к изображению женской фигуры в стефана на крышке пиксиды, служат помпейские фрески — многочисленные сцены из жизни пигмеев на берегу Нила (рис. 2) в одном случае и портрет жен-

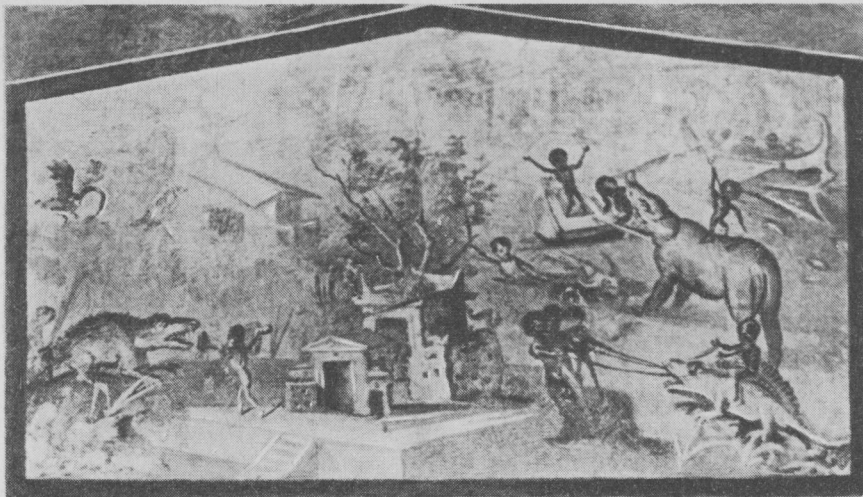

Рис. 2. Охота на крокодилов и гиппопотамов. Помпеянская фреска. I в. до н. э.— I в. н. э.

щины со стилосом — в другом ¹⁷. Композиционную аналогию пигмеем с коромыслом наперевес составляет также изображение малорослого большеголового бородатого старика, усатого, плешивого, с коромыслом на левом плече. По концам коромысла — плетеные корзины. Изображение помещено на серебряном кувшине греко-египетской работы, найденном в Александрии в I в. н. э. ¹⁸

Приведенные аналогии позволяют нам не только датировать пиксиду рубежом I в. до н. э.—I в. н. э. и отнести ее производство в эллинистический Египет, но рассматривать сам сюжет изображения по аналогии с помпеянскими фресками как третий этап бытования античного мифо-эпического сюжета о борьбе пигмеев и журавлей. На первом этапе (античный миф) борьба отнюдь не уродливых малорослых людей — не греков и не арийцев — с журавлями воспринималась как некая реальность и вместе с тем как борьба живых с миром мертвых. На втором этапе эта борьба рассматривалась уже с некоторой долей иронии. На третьем, когда пигмей, как и журавль, стал символом иного мира, оберегом, привычный эпический сюжет был расторгнут и пигмея стали изображать без журавля, сосредоточив внимание на нем самом ¹⁹.

В археологическом материале Северо-Кавказского региона такие изображения пигмеев, т. е. пигмеев без журавлей, находят известную аналогию в сценах на культовом сосуде эпохи позднего эллинизма (рис. 3, а—в) — в случайной находке Анапской экспедиции 1979 г. в городской траншее, пересекающей некрополь ²⁰.

В манере граффити на глиняных стенках сосуда процарапаны виноградные лозы, гроздья винограда и листья плюща — символы дионисийства и рядом с ними два маленького роста большеголовых человечка (один — в профиль, другой — анфас) со слабыми конечностями и тщедушным туловищем. Тот, что повернут анфас, держит под уздцы двух покрытых узорными попонами коней, расположенных с двух сторон от человека, головами друг к другу и к центру. Плохо сохранившийся человечек «в профиль» стоит спиной к человечку с конями. Публикатор вазы, Е. М. Алексеева, приводя иконографические аналогии, видит в маленьких людях пигмеев-оберегов, а в вазе — пелику, связанную с отправлением хтонической стороны дионисийского культа ²¹.

Атрибуция маленьких человечков как пигмеев будет, думается, более обоснованна, если принять во внимание, что сцены из жизни пигмеев входят в мифо-эпическую сюжетику дионисийско-орфического культа ²².

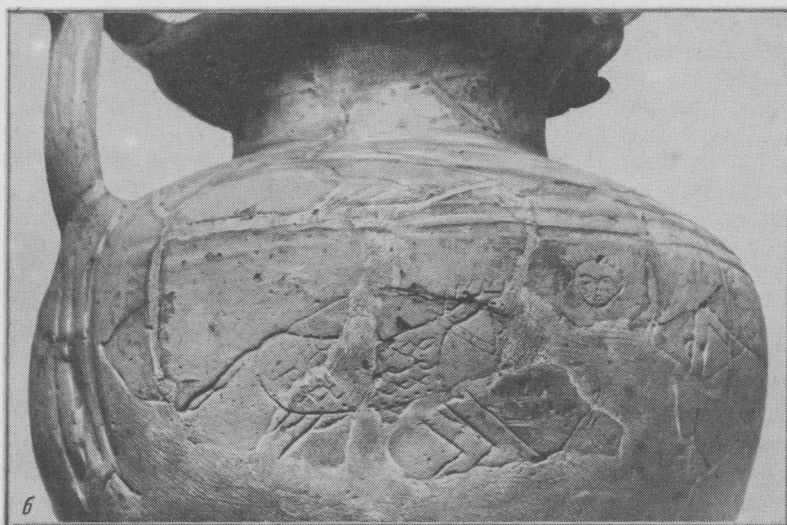

Рис. 3 а, б.

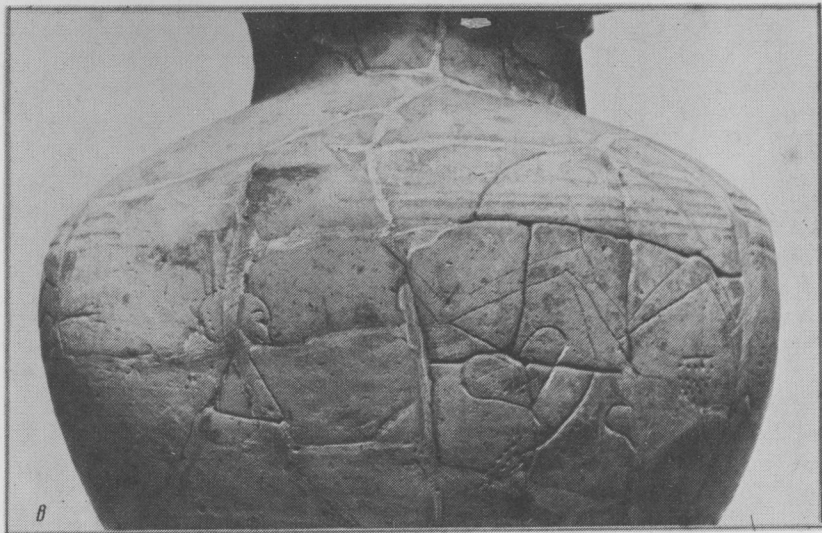

Рис. 3. а — пелика местного производства. III—II вв. до н. э. Анапская экспедиция 1979 г. Случайная находка, общий вид: б — пелика местного производства, деталь изображения; в — пелика местного производства, деталь изображения

Особенность сцен на сосуде, найденном Анапской экспедицией, состоит в том, что здесь вместе с пигмеями изображены лошади. Это тем более интересно, что по форме и материалу сосуд, как полагает Е. М. Алексеева, местного производства²³.

Известное тематическое и отчасти иконографическое сходство намечается также между уже упомянутыми изображениями и великолепными золотыми подвесками из Вани (рис. 4)²⁴. Низкорослые большеголовые всадники-воины с тонкими обнаженными руками и хрупким тельцем восседают на великолепных конях, поставленных на платформу, снабженную четырьмя колесами (колесница?). У всадников короткие курчавые волосы, на боку — колчан (?). Публикатор относит изделие к местному, колхидскому производству. Мы предлагаем видеть в изображении золотых всадников «кавказских» пигмеев: сюжет, имеющий апотропейный смысл.

Известно, что верховые кони на Кавказе, и в частности на Северном Кавказе и в Колхиде, появились уже в начале I тысячелетия до н. э., так что изображения пигмеев Горгиипии и Вани вполне соотносятся с фактом исторической реальности региона. Вместе с тем столь же хорошо известно, что конь в сакральных представлениях и античной эпохи, и — ранее — Средиземноморского региона II тысячелетия до н. э. — существо хтоническое, связанное с потусторонним миром, его символ²⁵. Следовательно, и в таком несколько необычном для других регионов античной ойкумены жанрово-композиционном варианте пигмеев, судя по контексту изображения, выполняющих совместно с конями, насельниками царства мертвых, роль оберегов.

На связь с загробным миром указывают также украшения в виде плодов орехов, прикрепленные к краю платформы. Орехи встречаются в античных захоронениях Боспора IV в. до н. э.²⁶ В кавказском фольклоре они связаны с представлениями о крепости, мощи и нездешних силах, колдовстве. В абазинском нартском эпосе дочь малорослого племени мараканцев, сведуших, согласно эпосу, в колдовстве, уподобляет молоко своей материнской груди соку орехов, единственной пище, которая может сделать ее сына богатырем²⁷.

Остается установить, как соотносятся местные кавказские изображения пигмеев с лошадьми и античный миф о пигмеях, воюющих с журавлями. Представляют ли собой эти изображения третью, последнюю стадию развития сюже-

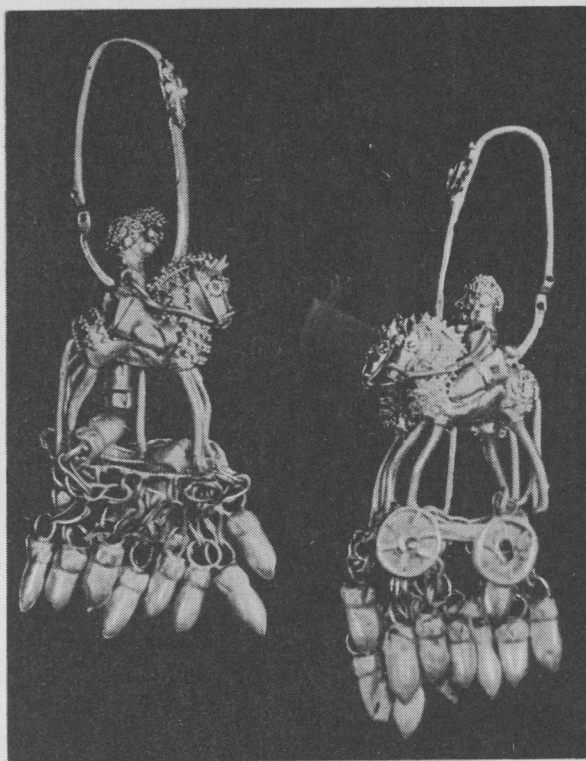

Рис. 4. Золотые подвески IV в. до н. э. Некрополь Вани.
Государственный музей Грузии им. С. Джанашиа
АН СССР

та, или миф о пигмеях, воюющих с журавлями, не был известен собственно Кавказскому региону? На данной стадии изучения материала ответ неоднозначен.

Лингвистика и этнография находят в обычаях и языках народов Кавказа — абхазов, ингушей, чеченцев — ассоциации с античным мифом. С журавлем у них связано представление о смелости, отваге, даже агрессии (склонности к нападению), удачливости в военных операциях. От журавля в известной мере зависит также судьба малолетних детей. На Северном Кавказе до недавнего времени полагалось выносить младенцев навстречу прилетающим весной журавлям и прятать их от журавлиного клина, покидающего край на зиму²⁸.

Разумеется, все это уже не миф, но лишь отзвуки давних мифо-сакральных представлений, обнаруживающих типологическую близость к семантике античного мифо-эпического предания о борьбе пигмеев и журавлей как борьбе живых с выходцами из мира мертвых.

Но есть и сведения, переданные нам Мегасфеном в изложении Страбона, согласно которым собственно мифо-эпическое предание о пигмеях и журавлях было достоянием лишь одного племени пигмеев, именно трехпядевых. У племени пятипядевых пигмеев это предание как будто отсутствовало (Str. XV, 1, 86, p. 711; Plin. NH VII, 26).

Так, может быть, в случаях ванской и горгиппийской находок мы имеем дело с обращением местных кавказских мастеров к преданию о пигмеях несколько иной племенной принадлежности, чем известные в других областях античного мира?

Во всяком случае, наложение античных представлений на местные можно, думается, видеть в характере изображений на погребальном головном уборе из некрополя Вани (золото, штамповка, филигрань, чернь, местное производст-

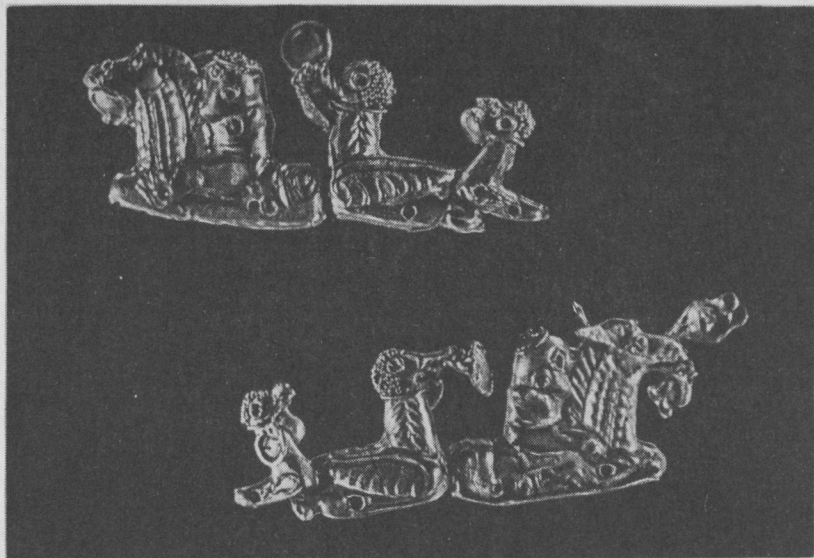

Рис. 5. Золотой погребальный убор. IV в. до н. э. Некрополь Вани. Государственный музей Грузии им. С. Джанашиа АН ГССР

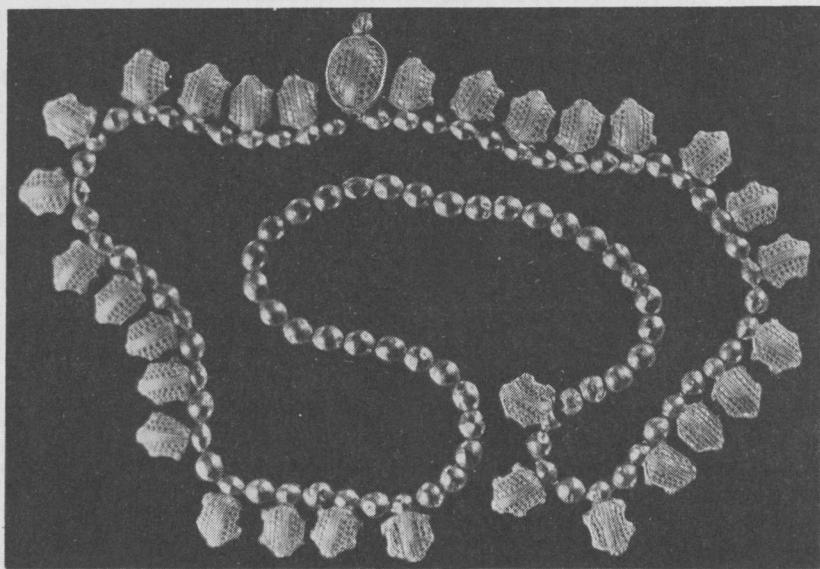

Рис. 6. Золотое ожерелье из черепашек. V в. до н. э. Некрополь Вани. Государственный музей Грузии им. С. Джанашиа АН ГССР

во, IV в. до н. э.). Два почти идентичных изображения в развороте вправо и влево состоят из трех тесно примыкающих друг к другу фигур. Первая — маленький, плотный, несоразмерно большеголовый всадник на козле, традиционном «средстве передвижения» античных пигмеев. В волосах всадника — обруч (стефана?). За козлом следует утка (символ потусторонности), за ней — птенец (рис. 5).

Связанный с погребальным культом сюжет поддается двоякому осмыслению. Всадником может быть и привычно античный пигмей, лишенный на последней стадии бытования мифо-эпического предания своего антипода — журавля, и, что представляется не лишенным оснований, абхазский пигмей, ацан, пастух козих стад (или бцента и исп, его осетинский и адыгский собрат)²⁹, или же, что скорее всего, два образа, местный и прибывший извне, слились воедино.

Но если это и так, то тем не менее общим для обоих сюжетов пигмеев с журавлями (трехпядевые «античные» пигмеи) и пигмеев с конями (пятипядевые (?) «кавказские» пигмеи) остается мифо-эпическое предание о женщине-богатырше (прародительнице народов пигмеев) Зылхе или Бценон в фольклоре Кавказа и Геране-Ойное в античных источниках³⁰.

Героиня пигмеев становится женой богатыря из чужого ей племени; в античных источниках богатырь носит многоговорящее имя Никодамант («победоносный укротитель»), рождает сына и, оскорбленная, уходит, чтобы умереть. Ее тотемом служит лягушка, в которую она по временам превращается (кавказский фольклор), а тотемом ее сына в античной интерпретации мифо-эпического предания — сухопутная черепаха.

Но именно черепаха (правда, водяная) и лягушка являются для Северо-Западного Кавказа античной эпохи особо чтимыми животными-оберегами. Золотое ожерелье из черепашек найдено в некрополе Вани (рис. 6), золотое ожерелье из лягушек — в Ахалгори (Грузия). И там и тут, по определению исследователей, — местное производство. В Вани — V, в Ахалгори V—IV вв. до н. э.³¹

Создается впечатление, что тематика этих украшений не случайна и имеет по крайней мере две точки опоры: реальность повседневности (черепахи и лягушки — фауна Кавказа) и сакральность потусторонности (тотемы-обереги племени пигмеев).

И как следствие, хотелось бы сделать обнадеживающий вывод: длинноголовые, песьеглавы и пигмеи античной традиции, а также ацаны, бценты, испи абхазского, осетинского, адыгского фольклора не столь фантастичны и сказочны, как подчас принято думать. Исторические племена погибли или были ассимилированы, но их мифо-эпическое предание и мифо-эпическое предание о них сохранились в историко-культурной памяти населения данных регионов. Мысль об исторической реальности мифо-эпического предания об ацанах, этих кавказских пигмеях, высказывал уже Н. Я. Марр³².

Примечания.

¹ Свод античных текстов и их интерпретацию см.: *Шталь И. В.* Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983. С. 47—72 (здесь же литература вопроса).

² Антифонт — философ-софист V в. до н. э.; Палефат — историк и мифограф IV—III вв. до н. э.

³ *Fragmenta historicorum graecorum (FHG)*. Coll. Carolus Müllerus. P., 1848. V. II. P. 339, E. Толкование и конъектура текста приняты последующими издателями. См.: *Die Fragmente der Griechischen Historiker von Felix Jacoby*. I Teil. B., 1926. № 44. *Palaephatos*. S. 524.

⁴ Диофант, возможно, полководец Митридата Евпатора (II в. до н. э.), т. е. лицо, хорошо осведомленное в географии и этнографии Понта и Боспора.

⁵ Симмий, пять стихотворных строк которого приводит Стефан Византийский, — греческий поэт и филолог IV—III вв. до н. э., эпик, лирик, эпиграммист.

⁶ *Кукулина И. В.* Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 162—174.

⁷ Цитируется по греческому тексту в кн.: *Армянская география VII века по Р. Х.* (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К. П. Патканов. СПб., 1877. С. 27.

⁸ *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества (далее РГО). Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883. С. 332.

⁹ *Никифоров Н. Я.* Аноский сборник // *Записки Западно-Сибирского отдела РГО*. Т. 37. Омск, 1915. С. 245—246.

¹⁰ *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165—166.

¹¹ Тот Т. А., Фиштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов // Авары и сарматы. Л., 1970. С. 95; Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 195 сл.

¹² Амиранашвили Ш. Д. История грузинского искусства. М., 1963. С. 18—19; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 28, 363; Марковин В. И. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 75, 79 (здесь же литературно-археологический вопрос).

¹³ Краткое описание и фотографическое воспроизведение части археологических находок см.: Гвоздев Д. Сокровища сарматов // Советский Союз. 1987. № 9 (451). С. 24—25.

¹⁴ Для сюжета «борьба пигмеев с журавлями» это наблюдение обосновывается в статье: Шталь И. В. Миф о пигмеях в Северном Причерноморье // Klio. 1986. (68). № 2. С. 351—366.

¹⁵ Шталь И. В. Мотивы вазовой живописи в искусстве Северного Причерноморья эллинистического периода. Мифо-эпический мотив борьбы пигмеев с журавлями (локализация и семантика мифа) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Матер. III Всесоюз. симп. по древней истории Причерноморья. (Цхалтубо — 1982). Тбилиси, 1985. С. 213—220.

¹⁶ Состояла из двух боковых сторон размером 8,7×2,5 см и двух торцовых размером 4,2×2,5 см, крышки размером 8,1×3,7 см и донца размером 8×3,7 см. Одна торцовая сторона утрачена, внутри — пазы по боковым граням для захода донца и крышки. Толщина стенок 0,5 см, крышки — 0,25—0,1 см, донца — 0,1 см. Крышка выступает над туловом пиксиды в ширину на 0,7 см, в длину — на 0,2—0,3 см.

¹⁷ Pompeii Leben und Kunst in den Vesuvständten. Gestaltung des Kataloges Bongers S. A. Essen, 1973. 283 S. Kraus Theodor, Matt Leonard. Pompei e Erculano. Milano, 1973, № 213. P. 166; № 306. P. 210.

¹⁸ Courby F. Les vases grecques à reliefs. P., 1922. P. 530.

¹⁹ Шталь И. В. Сюжетное изображение борьбы пигмеев и журавлей на пеликах Северного Причерноморья (IV в. до н. э., историко-культурный и этнографический аспект) // Thracia Pontica III (Sozopol, 6—12 octobre 1985). София, 1987. С. 333—352, 516—519.

²⁰ Алексеева Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982. С. 5—6, 103—106.

²¹ Там же. С. 106.

²² Вопрос этот ставился уже в исследовании (Couve L. Notes céramographiques, V // Bulletin de correspondance hellénique, T. XXII. P., 1898. P. 289—292) и рассматривался в статьях: Шталь И. В. Мотивы вазовой живописи в искусстве Северного Причерноморья эллинистического периода... С. 213—220; *её же*. Миф о пигмеях в Северном Причерноморье. С. 351—356.

²³ Алексеева Е. М. Указ. раб. С. 103.

²⁴ Городище Вани / Сост. Лордкипанидзе О. Д., Кипиани Г. Г. Тбилиси, 1979; Ювелирные изделия. Гос. музей Грузии им. С. Джанашиа АН ГССР / Сост. Джавахишвили А. И. Л., 1978.

²⁵ Крупнов Е. И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 15—29; Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 59 и др.; Лурье С. Я. Крито-микенские надписи и Гомер (культ коня у Гомера) // Вестн. древней истории. 1956. № 4. С. 3—12.

²⁶ Кунин В. Э., Кунина Н. Э. Курганные погребения Пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи. (Охранные раскопки 1954 г.) // Археология и Боспор II. Сб. статей. Государственный краеведческий историко-археологический музей им. А. С. Пушкина. Симферополь, 1962. С. 289.

²⁷ Нарты. Абазинский народный эпос / Сбор, составление, перевод и комментарии Влад. Меркулова. Черкесск, 1975. С. 282.

²⁸ Лингвистические данные по Абхазии собраны в книге: Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми, 1977. С. 170. Сведения этнографического характера любезно сообщены нам на научном симпозиуме по фольклору в г. Грозном (сентябрь 1985 г.) старшим научным сотрудником Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии Саид-Магомедом Хасиевым.

²⁹ Альбов Н. М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году // Зап. Кавказ. отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVI. Тифлис, 1894. С. 144; Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 году // Материалы по этнографии России. Т. I. СПб., 1910. С. 63; Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб. С. 157—158.

³⁰ Предание кавказского фольклора включено в текст осетинского, адыгского, абазинского, абхазского вариантов нартского эпоса и сведено в указанной книге Ш. Д. Инал-ипа. (С. 1—23, 86, 153—197). Античный материал содержат источники: Athen. Deipnosoph. IX, 393 e. f.; Claud. Ael. De nat. animal. XV, 29; Ovid. Metam. VI, 90—92; Antonin. Lib. Metam. XVI; Eustath. Comment. ad II. XXIII, 660. P. 1322.

³¹ Ювелирные изделия. Гос. музей Грузии им. С. Джанашиа АН ГССР / Сост. Джавахишвили А. И. Л., 1978.

³² Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938. С. 72.